

<https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3278>

ПОСВЯЩАЕТСЯ БРОДСКОМУ

Сэм Реймер

Иосиф Бродский и американское общество

Иосиф Бродский имел огромное влияние на мою жизнь, также, как и на жизни почти всех его близких друзей. Я бы мог назвать множество причин, по которым его присутствие ощущается и теперь. Это прежде всего гениальное творчество, изучение которого началось еще при жизни великого поэта. В его взглядах я впервые осознал глубокий и обдуманый подход к литературе и искусству, к культуре в более широком смысле. Я видел, с какой интенсивностью Иосиф живет и работает. Такой высокий ритм самоотдачи был заразителен для его друзей, и каждый из нас в той или иной мере праздновал свою причастность к этому удивительному человеку, в присутствии которого сама жизнь казалась как-то богаче и шире, чем обыденность.

Когда ты говорил с Бродским, создавалось впечатление, что он поднимает тебя на более высокий уровень, или как он выразился на английском, «on a higher plane of regard». Особенно приятно было встречаться с ним в немногочисленной компании друзей во время вечернего разговора за ужином или в каком-нибудь китайском ресторане. В такие моменты я чувствовал себя как бы избранныком. Это чувство, как мне кажется, объединяло всех тех, кто видел его в такой обстановке. В компании друзей, которые ценили его редкий поэтический дар, Бродский всегда был щедр и непритязателен. У Иосифа была необыкновенная способность одаривать своих друзей вниманием и любовью, которая давала понять, что они какие-то особенные. Он был и остается центральной фигурой

в жизни своих друзей. Я продолжаю слышать его голос и хотел бы словами Иосифа подтвердить написанную им когда-то мысль: «Значит нету разлук. Существует громадная встреча».

Эта статья посвящена в более широком смысле встрече Бродского с Америкой. С первого взгляда, само название статьи «Иосиф Бродский и американское общество» могло бы показаться загадочным. Иосиф родился и вырос в России, и всю свою жизнь оставался русским поэтом. Но он провел больше двух десятилетий на Западе, и больше всего в Соединенных Штатах Америки, — стране, гражданином которой он стал. Опыт Иосифа и его личные отношения в Штатах существенно повлияли на него самого. В то же время, он значительно обогатил американскую культуру и общественную жизнь.

Литературоведы верно подчеркивают, что Иосиф во многом выбрал для себя самоопределение «изгнанника», что позволяло ему смотреть на все общества как бы «извне». Но, тем не менее, он прекрасно понимал и ценил американскую культуру и традиции, активно участвуя в жизни Соединенных Штатов. Несмотря на то, что он считал себя «изгнанником», он чувствовал глубокую эмоциональную связь с многими сторонами, если можно так выразиться, американского бытия. Трудно даже представить, в какой степени он стал буквально «рыбой в воде» и сумел блестяще освоиться в этом когда-то новом для него обществе.

В короткой статье невозможно дать всеобъемлющий взгляд на его жизнь в Штатах, или шире, — вообще на Западе. Несомненно, он вел насыщенную жизнь, много путешествовал, имел множество близких друзей. Порой кажется, что он прожил несколько разных жизней одновременно. Здесь, отчасти на основании моего личного

опыта общения с ним, я предлагаю некоторые заметки о его существовании в Америке.

Дело в том, что всего за полтора десятилетия Иосиф стал видной фигурой в обществе. Какими качествами объясняется то необыкновенное признание, которое он успел приобрести в американской среде? С одной стороны, ответ на этот вопрос довольно ясен и прост: Иосиф был прежде всего необыкновенно одаренным и плодовитым поэтом, который успел написать чрезвычайно много стихов и кроме того прекрасной прозы. Его энергия, творческое воображение и широкое знание мировой литературы производили огромное впечатление на многих прочитавших его работы, слышавших его выступления, или когда-либо встречавших его лично.

Однако, когда Иосиф впервые приехал в Штаты в 1972 году, ни он сам, ни его творчество не были там широко известны. Далеко не все специалисты, занимающиеся Россией, и знатоки русской литературы, в частности, были знакомы с его творчеством. В начале существенной проблемой для него был и английский язык. Хотя Иосиф к тому времени уже хорошо знал англоязычную поэзию, его устный и письменный английский был еще весьма ограниченным. Вообще стихи Бродского на русском тогда были недоступны англоязычной аудитории, а опубликованных переводов почти не было. Одним словом, несмотря на его необыкновенный поэтический талант, было ясно, что приобрести признание и влияние в американском культурном мире будет непросто.

С самого начала, однако, у Иосифа были некоторые важные преимущества. Приехав в Америку, он уже имел «ореол» изгнанника, пережившего арест и высылку у себя на Родине. Запись суда над ним 1964 года, сделанная Фридой Вигдоровой, была опубликована на английском языке, и содержание судебного процесса было широко известно. Запись произвела особое впечатление в общей атмосфере

тогдашней холодной войны. Достойное и благородное поведение Иосифа перед грубостью его преследователей поразило англоязычную общественность.

Благодаря профессору Карлу Профферу и его жене Эллендее, Иосиф сразу получил профессорское место в одном из самых лучших американских университетов — Мичиганском. Это сразу расширило круг его профессиональных связей. Появились новые коллеги и постоянный заработок. Карл и Эллендея очень много помогали ему ценными практическими советами в начале его жизни в Штатах. Без их поддержки начало его жизни в Америке было бы гораздо более трудным. Профессорская должность заставила Иосифа с первого дня читать лекции на английском языке. Карл привел его на урок, представил студентам, и ушел, оставив его один на один с незнакомой аудиторией. Как оказалось, Иосиф был прирожденным учителем. Его личное обаяние и глубокое знание литературы привлекали огромное число студентов с самого начала. Хотелось бы отметить, что Иосиф преподавал не только русскую литературу, но, в более широком смысле, открывал перед студентами пласты мировой поэзии.

Многие из ранних стихов Бродского перевел на английский язык Джордж Клайн — профессор философии в американском колледже Брин Мар. Это была большая удача. Переводы Клайна, которые были опубликованы через несколько месяцев, сразу дали Иосифу возможность выступать со своими стихами в разных американских университетах. Его поездки по стране расширили представления о масштабах и разноплановости Соединенных Штатов. Я присутствовал на нескольких подобных встречах, и было видно, что его выступления вызвали живейший отклик во всех студенческих аудиториях.

Одним словом, с момента его приезда в Америку, Иосиф не был ни одиноким человеком, ни тем более анонимным жителем громадной страны. Тем не менее тогда было довольно трудно представить, что Иосиф — русский поэт в эмиграции — со временем получит почетные степени от крупных университетов и станет членом самых престижных американских академий художеств. Никому в то время не могло прийти в голову, что однажды Иосиф Бродский станет поэтом-лауреатом Соединенных Штатов, не говоря уже о том, что он будет лауреатом всемирно известной Нобелевской премии. В нашем понимании того, как все это происходило, немаловажное значение имеет отношение поэта к той новой жизни в Америке, которая открывала для него не только безграничные возможности, но и имела большие трудности. Путь преуспевания в иноязычном обществе был связан с необходимостью адаптации в чужой языковой среде.

Надо заметить, Иосиф довольно быстро усвоил английский. Он искренне любил этот язык. Во многом интерес возрастал благодаря сильному увлечению английской поэзией. Однако, повседневное общение также доставляло ему большое удовольствие. Бродский жил в окружении, которое буквально заставляло его общаться на английском. Он тщательнейшим образом «вживался» в иную языковую ткань и усердно совершенствовал свои лингвистические познания. Таким образом, растущая способность писать на английском не пришла сама по себе, а стала результатом напряженной работы. Как-то раз я был у него в гостях и заметил огромный потрепанный том Оксфордского английского словаря, который стоял на полке рядом с письменным столом. Весь переплет буквально распадался на части от постоянного перелистывания страниц.

Со временем Иосиф овладел английским в совершенстве. Его лексикон включал не только обороты «литературной речи», но и широкий спектр жаргонных фраз. После пяти лет нашей

дружбы в Штатах, мы уже редко говорили по-русски. Такая свободная английская речь открыла ему дверь в американское общество, и в результате он никогда не воспринимался как чисто «эмигрантский писатель».

Было еще одно обстоятельство. Иосиф понимал, что как таковых ценителей поэзии в Штатах не так-то много. Зная это, он начал создавать прозу на английском в жанре эссе, чтобы стать понятным более широкой аудитории. Бродский оказался необыкновенно одаренным эссеистом, пишущим по-английски. Его эссе включали рецензии на книги, статьи о других поэтах, рассуждения о предметах чисто литературных, заметки о путешествиях и разнообразные мемуарные эссе, как например, знаменитые «Полторы комнаты». Уже через пять лет после приезда в Штаты Иосиф писал свои эссе почти исключительно на английском. Эти виртуозные произведения малой формы, которые составляют важную часть его литературного наследия, и поныне являются выдающимися образцами английской прозы.

Особенно востребованными оказались мемуарные эссе Бродского. Они развернули перед американскими читателями ясный и доступный портрет повседневной жизни России с конца Второй мировой войны до 1980-х годов. Написанные простым языком, эти лаконичные шедевры прозы открыли американцам проницательный взгляд русского поэта на обыденную жизнь советских людей разных поколений. Эта жизнь в каком-то смысле протекала на его глазах, и была во многом созвучна некоторым обстоятельствам биографии Иосифа, как представителя своей страны. Создатели музея Бродского недаром назвали это мемориальное место «Полторы комнаты», вслед за поэтом обессмертив образ родительского дома и всех тех, кто был связан с этим замечательным местом, где протекала большая часть жизни Иосифа до эмиграции. Многие эссе Бродского, как и «Полторы комнаты», становятся своеобразным

подтверждением победы литературной формы над бренностью, торжества вечного над временным.

После трех лет в Мичигане, Иосиф перебрался в Нью-Йорк. Он избрал этот город основным местом жительства до конца своей жизни. Поселившись там, в культурной столице страны, он часто встречался с издателями, редакторами журналов, представителями самых разных сфер американского культурного мира. В круг его знакомств входили очень многие влиятельные фигуры и просто талантливые люди. И все же, какие факторы были главными в столь широкой популярности его творчества? Обладая уникальным знанием не только русской и английской литературы, но и западной в широком смысле, он был большим специалистом в области американской словесности. Он так убедительно и тонко писал об американской литературе, что его эссе часто позволяли американским читателям по-новому увидеть литературную культуру своей собственной страны. Эссе Иосифа о работах У. Одена, Р. Фроста, Т. Харди и многих других гениев американской литературы несут в себе прежде всего мощный заряд любви к их творчеству, а непревзойденный профессионализм Бродского-эссеиста является лучшей рекомендацией к прочтению этих произведений.

Несмотря на то что эссе Бродского, как и любое сложное рассуждение о той или иной литературе, не могли претендовать на всеобщие аплодисменты, его необыкновенно пронзительные строки, рассчитанные главным образом на интеллигенцию, имели влияние и на более широкий круг читателей. Иосиф сознательно надеялся привлечь как можно больше образованных людей. Он упорно настаивал на том, что литература — особенно поэзия — необходима для самого существования человечества, и отнюдь не является побочным продуктом его развития. Бродский был глубоко убежден, что серьезная поэзия как «видовая цель» должна быть донесена

до человека, и отчасти считал себя миссионером в этом направлении. Этот аспект личности Иосифа вызывал большое уважение среди читателей и слушателей.

По каким еще причинам Иосиф был признан в Америке как «свой» писатель? Очень важно подчеркнуть, что его стихи, и особенно проза, заключают в себе многие основополагающие христианские ценности, имеющие глубокие корни в американской культуре. Мы знаем, что Бродский не принадлежал к какому-либо вероисповеданию, — он не был ни православным, ни протестантом, но разделял многие взгляды этих религиозных традиций, каждая из которых является исторически сложившейся реалией. Особый взгляд поэта на событие Рождества Христова сделал его ежегодные рождественские стихи едва ли не самыми популярными произведениями на тему одного из самых значительных христианских праздников. Во многом поэтическая гениальность Бродского послужила тем импульсом, который продолжает притягивать секуляризованный мир к осмыслению нравственных ценностей.

Мои студенты однажды посетовали, что Иосиф слишком склонен был осуждать пороки и слабости других людей. Я посоветовал им внимательно прочесть его стихи и эссе, и понять, что в своих произведениях Бродский предстает, прежде всего, критиком себя самого, рассматривая человека, с одной стороны, как венец творения, с другой — в качестве индивидуума, способного страдать. Словно вырастая из непомерного страдания, поэт добывал определенный опыт, приправленный горькой иронией. Иосиф хорошо сознавал, что его собственное поведение часто не совпадало с тем, что он считал идеалом нравственности. Здесь хочется вспомнить одну фразу, которую он произнес во время нашей последней встречи: «Никогда не забывай, Сэм, что на свете есть много людей, которые лучше нас с тобой». Он действительно верил в эти слова. В них можно увидеть истинное смирение

человека перед другими. Осознавая до конца свое призвание и превосходство в литературной сфере, Бродский никогда не преувеличивал свои личные достоинства.

У Иосифа был трагический взгляд на жизнь. Он верил в то, что зло существует как потенциал в сердце каждого человека, и что это зло чаще всего приходит к нам как волк в овечьей шкуре, скрываясь под маской. Бродский был внутренне абсолютно свободным человеком. Он высоко ценил идеалы свободы, не только как отсутствие внешних ограничений, но и как освобождение души от внутренних оков, будь то разговор с Богом или с человеком. Именно его собственная внутренняя свобода покоряла и обезоруживала всех, кто его знал. Обладая такой исключительной свободой, Иосиф часто твердил, что люди не должны считать себя жертвами ни при каких обстоятельствах. Он настаивал на том, что каждый человек должен сам отвечать за свои поступки. Наконец, во всех суждениях Бродского, касающихся морально-этических вопросов, всегда присутствовала определенная строгость и требовательность, которая исходила из его собственного аскетического индивидуализма.

В Америке его поэтический голос звучал как-то особенно сильно, и исполнение своих собственных стихотворений играло огромную роль. Большинство людей, которые его слушали, никогда раньше не встречали такой стихотворной мощи в авторском исполнении. Манера его чтения давала стихам Бродского намного большее значение, чем просто текст. Он читал свои стихи с необыкновенной интенсивностью и энергией, тем самым возводя значение литературы в понимании его слушателей на более высокую степень восприятия.

Незабываемое впечатление на англоязычных слушателей производила его декламация стихов на русском. Язык Державина, Пушкина, Мандельштама, вместивший и

великого поэта XX века Иосифа Бродского, звучал как всемирная проповедь изящной словесности. В то же время, чтение поэзии на «родном наречии» в иноязычной среде усиливало значение совершенной красоты русского языка как средства приближения к Божественному. Вспоминая его прозаические монологи-рассуждения о жизни и литературе, приходится признать, что они имели сильнейшее влияние на совершенно разных американцев, — тех слушателей, которые попадали «в плен» его непредсказуемости, оригинальности, искрометного юмора и энциклопедической образованности в области литературы и истории. Собеседники Бродского не могут забыть, как он периодически вставлял в свою речь вопросительное «да», которое могло бы показаться риторическим вопрошанием. Но это было не совсем так, и даже скорее совсем не так. Иосифу было крайне важно услышать внутреннее согласие аудитории с его мыслями. Этим коротким и ясным вопросом он словно сокращал дистанцию между собой и слушателями, призывая их к пониманию тех главных вещей, которые были для поэта опорой в его мировоззрении, и которые он хотел донести до окружающих.

Было бы неверным утверждать, что творчество Иосифа не имело оппонентов. Далеко не все в Штатах были поклонниками трудов Бродского. Некоторые американские писатели, да и читатели выражали определенный скептицизм, а порой и неприязнь к его поэзии и прозе. Каковы были причины столь враждебного отношения? Прежде всего неприятие его творчества коренилось в разногласиях литературного плана. Иосиф приехал в Штаты в то время, когда стихосложение переживало отход от формальной рифмы. Отрицая сложившиеся стихотворные формы, большинство американских поэтов перешло на так называемый «белый» или «свободный» стих. Поэзия Бродского была привержена рифме, которая царила повсюду в русской классической традиции. Он старался подчеркнуть

центральное место рифмы в своих стихах. Иосиф последовательно отстаивал превосходство рифмованной поэзии над любой другой структурой стиха. Он любил ту языковую дисциплину, которая заставляет поэта работать с рифмой, извлекая из нее многогранные смыслы. Заслуживает внимание тот факт, что англоязычные поэты, которых Бродский особенно уважал, считали рифму определяющим качеством поэзии. Иосиф страстно отрицал распространенную идею о том, что англоязычная поэзия должна расстаться с рифмой, не испытывая в ней нужды.

Настойчивое требование Бродского сохранить рифмованную поэзию было связано с его устоявшимися взглядами. По мнению поэта, литература и культура по своей сути всегда являлись иерархическими явлениями. Можно долго спорить о том, какая поэзия «лучше», однако преимущества в данном случае будут на стороне структурированного поэтического текста. Одним словом, для Иосифа идея о том, что в поэзии может не быть рифмы, всегда была абсурдной.

Давайте вспомним как он читал свои стихи, как будто уходя в транс. Те адепты, которые любили стихи Иосифа, чувствовали в них некую магическую силу. В противоположном лагере располагались критики, на которых это влияние не распространялось. Многие из тех, кто слушал выступления Бродского, не одобряли манеру его чтения, которая буквально завораживала других. В этой манере, они считали, рифма занимала более важное место, чем обязанность поэта делать устный текст понятным слушающим по смыслу. Его поклонники парировали тем, что эта своеобразная неординарная манера чтения усиливала не только частный эффект звучания стихотворения, но и повышала значение искусства поэзии вообще.

Переводы стихов Бродского на английский, сделанные им самим, порой вызывали в литературной среде Америки

критические отклики. В этих переводах Иосиф старался повторить рифму и метр русского оригинала на английском языке, что требовало своего рода новаторских подходов. Американские поэты, в частности, резко критиковали результаты этих попыток. Врожденные носители английского, они утверждали, что переводы не столь успешны, как хотелось бы.

Острая критика его переводов собственных стихов игнорировала дилемму, перед которой Иосиф стоял. Дело в том, что Бродский ясно понимал и содержание и структуру своих стихов, написанным по-русски. По мере того как его английский становился совершеннее, поэт стал все больше ощущать недостатки многих уже существующих переводов, сделанных врожденными носителями языка. При этом следует заметить, что некоторые из этих переводов Иосиф очень ценил, а иные даже любил. Желая представить свои стихи англоязычной аудитории наиболее приближенными к оригиналу, он начал самостоятельно их переводить. Результаты, на мой взгляд, были довольно интересными. Эти стихи получались иногда неуклюжими или излишне изобретательными с точки зрения синтаксиса, но они, тем не менее, составляют увлекательнейшую главу в истории переводческого дела. Резюмируя эту мысль, надо признать, что переводная авторская поэзия Бродского заслуживает отдельного внимания и пристального изучения, а не бесчувственного отрицания.

Другая сторона критики работ Иосифа сосредотачивается на эссе, которые он писал об американской литературе. В те годы, когда Бродский только-только приехал в США, отдельные писатели и литературоведы считали, что братья за труды об американских поэтах ему рановато. Затем сила и категоричность его высказываний начала их возмущать. Нельзя исключить предположение, что определенную роль сыграли зависть и ревность по отношению к новому

исследователю, вдруг возвысившему свой голос. Резкий, с из точки зрения, тон Бродского, изрядно раздражал некоторых представителей профессиональной среды. Факт, что эссе Иосифа об американских писателях пользовались большим успехом не только у широких читательских кругов, надо полагать, только усиливал отрицательную волну критики с их стороны.

Разбирая причины личной враждебности к Иосифу со стороны некоторых американцев, приходится признать, что это было ответной реакцией на его порой резкое поведение. Категоричная манера изложения мыслей, свойственная Бродскому, могла не нравиться многим интеллектуалам. Речи Иосифа часто склоняли публику к поляризации мнений и вызывали споры. Высказывания его были иногда настолько запелляционны, что ты должен был или согласиться с тем, что он сказал, или встать в оппозицию. Люди, не принимавшие его уверенность и убежденность в своей правоте, как правило, не могли подняться на его уровень мышления. Его идеи стояли гораздо выше обыденного восприятия действительности. Иосиф редко бывал нерешительным в своих высказываниях. Он умел с горячностью защищать свои взгляды, испытывая некоторый азарт. Согласитесь, не всем дано уважать страсть и пыл собеседника в споре, хотя именно сила, самоуверенность и блестящая аргументация привлекали к нему очень многих. Мы можем быть благодарными за его независимость и чувство свободы, которые давали ему возможность высказываться.

В отношениях с людьми Иосиф был очень разборчив. Он мог реагировать на других интуитивно, и часто достаточно было нескольких секунд, чтобы он сделал вывод о совершенно незнакомом человеке. Бродский высоко ценил друзей и близких. Одно из его любимых высказываний в адрес кого-либо «по-моему он (или она) замечательный человек!» в двух

словах могло обрисовать верх его приятного отношения. Встречая других, он мог их приветствовать очень тепло. В иных случаях, однако, он испытывал мгновенную неприязнь к определенному человеку. Тогда он действительно становился холодным, отстраненным или даже надменным. Его суждения, без сомнения, не всегда могли быть справедливыми. Поэт был склонен доверять своей интуиции, сиюминутному ощущению. Иногда какой-то новый знакомый мог позволить себе говорить в вызывающем или прямо враждебном тоне. В этом случае, особенно когда дело касалось глубоких политических разногласий, Иосиф мог отвечать той же монетой. Оглядываясь на годы знакомства и дружбы с Иосифом, я могу сказать, что он бывал очень разным в своих эмоциональных проявлениях. В этой связи, так же, как и в других, личность и поведение Иосифа привлекали одних и отталкивали других.

Читая работы Бродского, даже самые суровые критики его творчества испытывали к ним интерес. Его особый, совершенно уникальный голос характеризовал все, что выходило из-под его пера, будь то эссе или поэтические тексты. Когда дело доходило до литературного языка, он прекрасно понимал свою высокую задачу. Однажды летом, когда я был в гостях у Иосифа в Нью-Йорке, он попросил меня почитать кое-что и исправить его английский там, где это нужно. В это время Бродский как раз писал свое эссе о Ленинграде. Мне было немного неловко от такого предложения, но я все-таки начал читать его текст. Английский местами был еще неровный. Я понял уже тогда, что мои редакционные правки граничили бы с кощунством, но поскольку это была просьба, я сделал все, что мог. Просмотрев мои результаты, он сказал: «Я вижу, Сэм, что ты стараешься сглаживать мой текст. Пойми меня: я не хочу сглаживать свою прозу. Неровности и острые моменты делают текст гораздо более интересным!» Он был прав,

конечно, не только в отношении своих собственных текстов, но касательно литературного творчества вообще.

Несмотря на всю изощренность его мысли и умения говорить, речь Иосифа часто бывала простой. В нашу последнюю встречу я задал ему вопрос, который был обычным в университетских кругах. Как только я начал говорить, то сразу понял всю нелепость своего вопрошания. Я спросил: «Иосиф, нет ли у тебя какой-то теории о том, как надо писать?» Он ответил очень остроумно, на мой взгляд: «Да, у меня есть такая теория. Я стараюсь написать одну хорошую фразу. Потом я стараюсь написать еще одну хорошую фразу. Это — моя теория».

Вспоминая эти удивительные беседы, я благодарен Иосифу за его острый ум, отточенную иронию, всегдашнюю прямоту и тот здравый смысл, который не покидал его ни при каких обстоятельствах. Сегодня, когда вклад Бродского в развитие американского общества осознается нами как огромное приобретение, великий поэт XX века продолжает влиять не только на литературные вкусы людей. Я верю, что всю глубину значения личности Бродского для Америки еще предстоит раскрыть последующим поколениям моих сограждан.